

ГРУБЫЙ ЭННИЙ

Сравнивая Луцилия с Эннием, Гораций между делом замечает:

...Limatior idem
quam rudis et Graecis intacti carminis auctor
(S., 1, 10, 66).

...Он положеней,
нежели грубый творец неизвестной греками песни¹.

Оставляя в стороне проблему действительной самобытности римской стихотворной сатиры и ее преемственных связей с греческой диатрибой, достаточно сказать, что сами римляне всегда почитали этот жанр специфически римским (Quint., X, 1, 93), а зачинателем или даже "изобретателем" его (Hor., S., I, 10, 48) признавали Энния. Для данного контекста представляется более интересным применение к Эннию эпитета *rudis*. В принципе это соотносимо с *rude ingenium* "неискушенным дарованием" (хотя и не приписываемым Эннию) в "Поэтике" (410) и с более поздним суждением Овидия: *Ennius ingenio maximus, arte rudis* "Энний, что груб ремеслом и вдохновеньем велик". К этому суждению явно восходит и отзыв Стация о "грубой музе" (Муза *rudis*) Энния (Silv., II, 7). Однако в цитированном стихе Горация *rudis* звучит сильнее, чем "неискушенный" или "грубый по причине неискушенности", — из-за соседства с *limatior*, а также из-за отсутствия всякого пояснения (у Овидия и Стация пояснения есть).

Limatus в смысле "отделанный", "изысканный" представляет собой устойчивую метафору, будучи производным от *limo* "обрабатывать (дерево)", т.е. прежде всего "пилить", но также

"тесать", "шлифовать". Напротив, *rudis* при отсутствии поясняющего слова характеризует предметы в их природном, некультивированном состоянии (например, *aes rude*) и при этом предпочтительно ассоциируется с древесиной, потому что существительное *rudis* служит названием ряда довольно разнообразных, но непременно деревянных и грубо изготовленных предметов (подробнее об этом см. ниже). Получается что Гораций со свойственной ему вещественной наглядностью иронически противопоставляет "неотесанного" основоположника его "более отшлифованному" последователю и конкуренту. Так как при этом опорным словом сравнения несомненно является *rudis* ("изысканная лошеность" Луцилия описывается серией эпитетов, по смыслу близких к *limatus*, да и грамматически *rudis* (доминирует), то в "древесной" метафоре Горация Энний оказывается не столько "неокушенным", сколько "стоеросовым". Это не соответствует стилю, которого Гораций придерживается в своих суждениях о поэтическом мастерстве, не соответствует имеющимся у него оценкам Энния, пусть не слишком ему симпатичного, и не находит опоры в традиции — Энний бывал укоряем (самое большее!) в небрежности (*Sic., Orat., 36 — ср. Hor., Ars, 258-262*). Может быть, "стоеросовым" обозвал Энния Луцилий, а Гораций его процитировал? Вряд ли — и не только потому, что в сохранившихся фрагментах Луцилия ничего подобного нет, но и потому (а это едва ли не существеннее для отказа от такой гипотезы), что совсем не редкого слова *rudis* у Луцилия нет вообще: ни одного своего персонажа и ни одного предмета он не называет этим словом, хотя о разных формах грубости говорит довольно часто. Остается полагать, что Энний был *rudis* по каким-то иным причинам, а Гораций это слово обыграл, чтобы продемонстрировать относительность "большой отшлифованности" Луцилия — ведь и о "грубости" Энния говорится только в такой связи. Однако иные причины предполагают иной контекст, и коль скоро контекст литературный явно недостаточен, то остается контекст биографический. Действительно, в контексте биографии Энния *rudis* сразу приобретает двойную уместность, притом совершенно лишаясь негативной экспрессии.

Своего рода конспективный очерк этой биографии содер-

жится в дистихе Овидия (*Ars, III, 409-410*; пер. М. Гаспарова):

Энний, рожденный в горах Калабрийских, нашел себе право
рядом с тобой, Сципион, место в гробнице обрести.

Иначе говоря, как высоко ни ценили римляне своего первого "настоящего" поэта, но даже во времена Овидия его стремительное восхождение по социальной лестнице (пусть и в награду за поэтическое дарование) имело собственную значимость: уроженец Калабрийского захолустья удостоился дружбы великого Сципиона (это была правда) и места в семейном склепе знатнейшей отрасли рода Корнелиев (это была легенда) — а уж несколькими поколениями ранее такая карьера казалась особенно блистательной и впечатляющей. Тем более дорожил ею сам Энний, как дорожил он и своим новообретенным римским гражданством, о котором писал:

Ныне римлянин я, хоть был я прежде рудиец (10).²

Гексаметр этот показателен еще и вот в каком отношении: Энний не называет себя калабрийцем, а называет свою конкретную родину — калабрийский (оскский) город Рудии (*Rudiae*), жители которого именовались рудийцами (*Rudini*). Следовательно, и в Рим Энний, по собственному его мнению, явился из Рудий: *Rudiis venit* или *Rudis venit* (характерное для Энния стяжение), а *Rudis* — просодический эквивалент *rudis*, с учетом же захолустности Рудий — еще и игра слов.

Мало того. Хотя Энний был другом Сципиона и пользовался в его семействе заслуженным уважением, но от семейства этого он все же и зависел. Между тем когномен *Scipio* означает "посох" и даже имеет (псевдо?) историческое объяснение, наверняка почерпнутое из семейной хроники Сципионов: один из древних Корнелиев якобы *pro baculo regebat* своего слепого отца (*Маст., I, 6*) — вот этот юноша, бывший "вместо клыки", и стал первым *Scipio*, что почти синонимично *baculum*, но имеет и особый сепаративный оттенок.

Baculum — практически любая палка, как бы ее ни исполь-

зовали. Это кюпка, трость, иногда дубинка, но через *basulum* описывается также *caduceum* (знак достоинства вестника), *lituus* (жезл авгура), *vitis* (палка центуриона), просто *pedum* (пастушеский посох) и т.д.³ *Scipio* - посох, служивший не только и не столько опорой при ходьбе, сколько приметой важности владельца. Это был как бы "вельможный посох" - тяжелый, сделанный из дорогого материала, порой даже из резной слоновой кости (*Liv.*, V, 41), причем иногда разгневанный сановник мог использовать такой посох и в качестве палицы (*Ibid.*). А вот *rudis* - едва ли не самый скромный вариант *basuli* как по физическим параметрам, так и по престижности. В принципе это любая легкая палочка, хотя бы выломанная в лесу, а использовать ее можно соответственно, т.е. как угодно. В литературе *rudis* - чаще всего снаряд для упражнений в фехтовании, нечто вроде деревянного меча, который не жалко сломать и которым не страшно покалечиться во время тренировки. Такой "меч" получал гладиатор при уходе в отставку и так можно было опознать отставного гладиатора, - а у Горация это символ отставки как таковой (*Ep.*, I, 1, 2; в контексте послания - за "поэтическую выслугу"). Однако это значение при всей своей относительной частоте специфично: например, мешалка тоже называлась *rudis*, а в текстах упоминается редко, так как, будучи широко употребительна в житейской практике, поэтически неинтересна, - а гладиаторская тема привлекала общее внимание и потому оказывалась еще и источником метафор. В основном же своим значением "палочка" - слово *rudis* естественно связывалось с представлением о пососке. Можно сказать, что в семействе *vasula* различают *scipio* и *rudis* как старший и младший члены семьи - например, вельможный патрон и скромный клиент.

А применительно к предмету данной заметки - как победитель Ганнибала Сципион Африканский и его друг поэт Энний, о которых, конспектируя его биографию, можно сказать и так: *ad Scipionem Rudis venit* - и вот отсюда до каламбура *rudis Rudis ad Scipionem venit* или сходного, но непременно включающего слова *rudis*, *Rudiae* и *Scipio* уже так близко, что трудно поверить, будто такого каламбура не было.⁴ А если был, то автором его почти наверняка был сам Энний. Гораций в качестве

автора трудно вообразим: "грубый Энний" упомянут в сатире вскользь, Гораций и вообще упоминает Энния только вскользь и только по сутубо литературным поводам, а "рудийский каламбур" - биографический, так что предположительное обыгрывание Горацием предположительно известной читателям шутки как раз и заключается в переносе *rudis* из биографического контекста в литературный (где определение Энния как "грубого" - хотя и с оговорками - поэта в результате, как мы видим по отзывам Овидия и Стация, укоренилось, но гораздо позднее и под несомненным влиянием Горация). В пользу авторства Энния свидетельствует и то, что его рудийское происхождение было актуально преимущественно для него самого, для римлян же он был калабрийцем, а не уроженцем мало кому известного оскского городка, - а создатель каламбура должен был держать в оперативной памяти не название области, а именно название городка. Наконец, в пользу авторства Энния свидетельствует все, что мы знаем об Эннии как о литераторе - эти же сведения могут быть и обоснованием правомерности самой реконструкции.

Оск по рождению и грек по образованию, Энний в качестве латинского поэта обладал тем особым чувством языка, которое порой так ярко проявляется у "литературных иммигрантов" (от Клавдиана до Набокова). Относимые к нему и упоминавшиеся выше укоры в "небрежности" всегда касаются его действительных или мнимых просодических неудач, вполне извинительных для создателя латинского гексаметра. Напротив, словесная фактура его произведений обычно воспринималась как образцовая, потому что он первый (как и сам объявлял) стал заботиться о слого (Cic. *Brut.*, 71-76): хотя постоянно цитирующий Энния в своих риторических трактатах Цицерон некоторые его тропы находит неуместными (*De orat.*, III, 164), но это недовольство - чисто вкусовое, так как даже мнения о "небрежности" Энния тот же Цицерон не поддерживает (*Orat.*, 36 - речь идет о просодии). Сохранившиеся фрагменты показывают, что забота Энния о слого проявлялась, в частности, в особой склонности к словесной игре (об этом свидетельствуют сами фрагменты), очень нравившейся читателям (об этом свидетельствует сам факт сохранности многих таких фрагментов - на фоне утраты "Анналов"). Вот несколько примеров -

Для удобства современного читателя они выбраны из недавно вышедшей "Хрестоматии",⁵ где каждый отрывок снабжен русским переводом и реальным комментарием:

Remus auspicio se devovet atque secundam
solus avem servat... (83-84)

Здесь поэт обыгрывает слово *secundus*, в первом своем значении контрастирующее с *solus*, хотя без последнего словосочетание *avis secunda* не привлекло бы внимания.

Aio te Aiacida Romanos vincere posse (174).

Здесь звукопись поддержана графикой, хотя это могло произойти и позднее, так как в современном Энииде произношении "Закид" все равно был "Айякидом". Кроме того, поэт в "кривом" оракуле играет грамматикой (неопределенностью различения субъекта и объекта). Эти примеры взяты из "Анналов", но тенденция к словесной игре у Энииды повсеместна: в "Фениксе" (306) употреблена четырехчленная *figura etymologica*, в "Эпихарме" (13-14) *Iuppiter* производится от *iuvat*, в знаменитом стихе о Тите Татии (109 - тоже из "Анналов") двенадцать "t" - своего рода аллитерационный рекорд.

По имеющемуся материалу очевидно, что Энииды не упустил (и искал любого повода поиграть словами, будь то по звуку или по смыслу или так и сяк сразу - а это естественно приводит на память его ямбы, процитированные Цицероном (*De orat.*, II, 222):

Пылким и умелым легче погасить устам огонь,
чем хорошие реченья удержать...

Цицерон полагает, что под "хорошими реченьями" (*bona dicta*) подразумеваются "остроты" (*salsa*), но толкование свое оставляет гипотетическим, что и неудивительно. Приведенные выше вполне несомненные *bona dicta* никак не могут быть названы *salsa*: они совсем не смешны и придуманы не ради шутки (а острова - всегда шутка), они именно и только плод "умельхуст".

Другое дело, что всякая удачная игра слов непременно имеет своим побочным результатом некоторую (присущую всякой игре) развлекательность, и потому вне контекста "хорошие реченья" могут казаться забавными, - но на своем месте (а примеры нарочно взяты из героического эпоса и из трагедий) они таковыми не были, ибо в противном случае считались бы не удачами, а промахами (нарушением жанровой нормы).

Следовательно, реконструируемый каламбур не обязательно должен был быть шуточным: это мог быть, например, какой-то комплимент Сципиону ("оплоту" отечества и / или Энииды), это могло быть самовосхваление ("посошек", ставший вровень с "вельможным посохом"), а могло быть еще что-нибудь - тут начинается столь просторная для гипотез область, что от дальнейших догадок лучше воздержаться. Служит лишь отметить, что это могли быть даже и не стихи, хотя в качестве литератора Энииды был только поэтом - как ни разнообразен был его жанровый репертуар, однако это был репертуар только стихотворный. Но плоды "умельхуст" зачастую принадлежат не писаной литературе, а той стихии устного острословия, которая позднее фиксируется далеко не полностью, так как записывается не сразу и фрагментарно. Контекстом устных "хороших речений" является разделяемый с друзьями досуг, чаще всего принимающий формы того или иного совместного увеселения, а стало быть, устные *bona dicta* практически всегда - *salsa*. В Риме стихия устного острословия обрела могущество в век Сципионов и поначалу процветала преимущественно в эллинофильском кружке тех же Сципионов, - а главным ее хозяином был, следовательно, Энииды. Последнее обстоятельство представляется существенным аргументом в пользу предложенной реконструкции: трудно вообразить, что "рудийский каламбур" порожден невежественной фантазией нашего времени, а не своим природным владельцем, имевшим к тому же ничем не ограниченные возможности для устной или письменной реализации прямо-таки напрашивающейся игры слов - и имевшим особую склонность к такой игре.

Остается заметить, что уже после того, как Энииды оказался совершенно вытеснен из числа школьных классиков Вергилием, а реально критическое отношение к его творчеству сменилось

уважительным равнодушием, он продолжал ассоциироваться со "стоеросовостью": "Нам надлежит чтить Энния, словно священные старостью своею дубравы, в чьих древних и могучих стволах не столько стройности, сколько святости" (Quint., X, 1, 88). Возможно, в этом сравнении еще присутствует память о "рудийском посошке" - хотя бы как отзвук буквально понятого *rudis* из сатиры Горация.

П р и м е ч а н и я

¹ Отнесение этого стиха к Эннию порой оспаривалось, и на роль "грубого творца" предлагались другие староримские поэты (Невий, Ливий Андроник). Своего рода итог полемики подвело комментированное издание Крюгера (De v. Q. Horatii Flaccus Satiren und Episteln erklart von G. T. A. Kruger. Leipzig, 1872. S. 88 f.). Хотя представляется, что поводом для этого недолгого и давнего спора был не столько невнятный текст, сколько гиперкритический энтузиазм, однако предлагаемая реконструкция в меру своего правдоподобия подтверждает общепринятое в наш век мнение, что творцом римской стихотворной сатиры Гораций почитал того, кто и в самом деле был ее творцом, т.е. Энния.

² Во всех неговоренных случаях нумерация стихов Энния дается по изд.: W a r d l i n g t o n E. H. Remains of old Latin. London, 1979. Vol. 1..

³ О слове *basulum* и его синонимах см.: Латинская синонимика Шмальфельда. М., 1890. § 388.

⁴ Для каламбура (т.е. для игры одинаково пишущимися и/или одинаково произносимыми словами) вообще очень характерно отождествление имени собственного с каким-нибудь вполне обиходным словом, как раз по принципу *Rudis/rudis*. Например, после поражения при Седане о Наполеоне III говорили: Il a perdu Sédan (= ses dents) 'Он потерял Седан (= свои зубы)', а когда непопулярному папе Пию VI наследовал ничуть не более популярный Пий VII, немедленно явилась острота: La religion va de Pie en Pie (= pis en pis) 'Религиозные дела идут от Пия к Пию (= хуже и хуже)'.

⁵ Полонская К.П., Поняева Л.П. Хрестоматия по ранней латинской литературе. М., 1984.